

процессов, отсутствием надежных методов прогнозирования опасных процессов и способов борьбы с ними.

Перенасыщенность Уральского региона промышленными предприятиями с повышенной степенью риска при возможных техногенных авариях и пожарах требуют пристального внимания со стороны государства и компетентного руководства размещением производства за пределами городов с учетом их регионального развития;

Из выше изложенного, очевидно, что пожары – это общегосударственная задача, от развития и состояния пожарного дела в стране зависит процветание и благосостояние нации. Поэтому изучение специалистами разных областей знаний проблем, борьбы с пожарами, имеет огромное как практическое, так и социально-экономическое значение и представляет общечеловеческий интерес.

Е.А. Курлаев

Екатеринбург

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО О ПРЕКРАЩЕНИИ ВЫПЛАВКИ МЕДИ НА КУНГУРСКИХ ЗАВОДАХ (1715–1720 ГГ.)*

В известной работе А.И. Юхта, посвященной государственной деятельности В.Н. Татищева, период его пребывания в Кунгуре с мая по ноябрь 1720 г. освещен довольно скупо [2]. Никак не отражена и такая сторона его сибирской экспедиции, как расследование причин остановки выплавки меди в Кунгурском уезде. В ГАСО сохранилось документы, имеющие отношение к следственным действиям В.Н. Татищева [3].

В приговоре Берг-коллегии от 9 марта 1720 г., капитану Василию Татищеву, посланному в Кунгур для осмотра рудных мест и строения заводов, прежде всего, предписывалось отыскать в Москве дьяка Льва Леонтьевича Шокурова. По приезду в Кунгур следовало принять у него 45 пудов готовой меди и все расходные книги, а по ним сверить расход выданных ему для медеплавильного промысла 1100 руб. Дьяка обязывали показать известные ему рудники бергмейстеру И. Бliersу [4]. Наказ этот был результатом длительного расследования, возникшего в связи с прекращением выплавки меди на Кунгурском заводе. Расследование длилось с 1715 по 1720 гг., при этом не менее 6 раз менялись дознаватели. Пятое по счету дознание было поручено Татищеву [5].

В 1712 г. предприниматель Ф.И. Молодой был уличен в использовании казенных средств, выделенных на строительство Мазуевского медеплавильного завода. Предпринимателя арестовали и сослали в Тобольск. Завод забросили, а оставшиеся медеплавильные мастера Н. Огнев, Ф. Инютин, И. Стариков заверили воеводу г. Кунгура дьяка В. Окомова, что смогут построить завод и выплавить медь. Мастерам назначили казенное жалование, и к концу 1712 г. неподалеку от городской стены они построили Кунгурский медеплавильный завод – деревянный амбар с двумя ручными горнами.

С 5 декабря 1712 г. ведать производством стал новый комендант Кунгура дьяк Леонтий Емельянович Шокуров (1712–1714 гг.). Царский указ обязывал дьяка искать руды и плавить медь. При нем в Москву на Монетный двор были отправлены образцы руды. По оценке надзирателя двора И. Ланга, из фунта руды выходило до 31 золотника меди и ¼ золотника серебра. При коменданте Афанасии Усталкове (1714–1716 гг.) управление заводом было выведено из его полномочий. Заводские дела

* Работа выполнена при поддержке РГНФ – Урал. проект № 09-01-83115 а/У.

были поручены сыну Л.Е. Шокурова – Льву, бывшему при отце и А. Усталкове подъячим с приписью. С августа 1716 по 1718 гг. заводом управлял Л. Синявин. В 1718 г. при И.В. Воронцеком выплавка меди прекратилась [6]. За это время производительность завода была следующей: С сентября 1712 г. по январь 1713 г. выплавки 30,5 пудов, В 1713 г. – 79,5 пудов меди. Всего за период управления коменданта Л.Е. Шокурова произвели и отправили в Москву 165 пудов металла по цене 6–6,8 руб/пуд. В 1712–1717 гг., пока производилась плавка, было выплавлено 217,5 пудов меди.

В 1714 г., по сравнению с предшествующим годом, выплавленной меди оказалось меньше. Мастера утверждали, что причина уменьшения выплавки заключалась в запрете Л.Е. Шокурова работать на найденном ими руднике на р. Гаревой. Комендант посылал на рудник своего горного мастера И. Свешникова, прибывшего из Тобольска. По оценке Н. Огнева, И. Свешников начал промышлять руду без них, и по небрежности испортил прежние подкопы, после чего продолжение работ потребовало многократных затрат.

После этих событий Н. Огнев обратился к царю с челобитной о большей самостоятельности в выплавке меди («чтоб им особливо плавить медную руду»), вследствие чего появился указ от 3 ноября 1714 г. «за подписанием собственной руки его величества». Н. Огнев, И. Старикову и Ф. Инютину разрешалось в городах Сибирской губернии, в т.ч. и в Кунгуре, искать руды и плавить медь, и «ведать их судом и расправой» не коменданту, а самому губернатору. К этому времени вместо Л.Е. Шокурова комендантом стал А. Усталков, а его помощником оставался сын Л.Е. Шокурова – подъячий с приписью Лев Леонтьевич Шокуров. Этим указом все дела, касающиеся добычи руды и плавки меди, исключались из ведения кунгурского коменданта А. Усталкова и передавались в особое ведение Льву Шокову, «чтобы ни к чему не был привязан» [7].

Появление указа стало знаковым событием. В территориальной системе управления появилась новая должность, предназначенная исключительно для ведения горного дела. Однако, разделение функций управления не было регламентировано должностными инструкциями и в итоге отрицательно повлияло на производство меди. Наступило «двоевластие», и в 1715 г. выплавка меди упала до 44 пудов в год. По свидетельству плавильных мастеров в этом был виноват новый комендант А. Усталков.

Конфликт из-за медеплавильного промысла между А. Усталковым и Львом Шоковым, с которым заодно были и плавильные мастера, перешел в физическую расправу. Первоначально между А. Усталковым и Л. Шоковым возникли разногласия из-за выплаты жалования работникам. А. Усталков пренебрег указом об отстранении его от управления рудными делами и запретил мастерам выезжать из Кунгура под страхом смертной казни, опасаясь, что они отправятся с челобитьем в столицу. Вместо них на поиски руды поехали рудокопные ученики и денщики, которые своим неумением испортили подкопы и рудники. В итоге производство меди окончательно остановилось. 1 мая 1715 г. на комендантском дворе Н. Огнев и Ф. Инютин обратились к А. Усталкову за жалованием и с просьбой об отпуске в Москву и к губернатору. К ним присоединился и Л.Л. Шокуров. Разговор закончился руганью и побоями. А. Усталков «бранил Шокурова матерно и от места ему отказал». По свидетельству медеплавильных мастеров, денщики и солдаты «драли их за волосы» и били фузеями «смертным боем». Затем, чтоб не быть виноватыми, вымазались кровью Н.

Огнева и сказали, что тот их бил сам. По приказу А. Усталкова мастеров «из хором вон выбили», а затем посадили под караул.

В ходе последующих дознаний было установлено, что число пострадавших от коменданта было большим. Сам А. Усталков руками, дубиной и плетью избил пятерых учеников плавильного дела, проломив им головы. По показаниям рудоискателей Ф. Попкова, Н. Саркаева, Б. Русаева комендант бил их по щекам и запретил приносить Шокурову руду.

В ответ на челобитные Л.Л. Шокурова и Н. Огнева о побоях и бесчестии началось расследование, где во главе угла стояли государственные интересы и понесенные вследствие этого конфликта убытки. При расследовании конфликта главный упор делался на выяснение нецелевого расходования выделенных средств и причин прекращения выплавки меди на Кунгурском заводе. Фигурантами (ответчиками, свидетелями, пострадавшими) в следствии выступали плавильные мастера Ф. Инютин и Н. Огнев, представители городской власти (Л.Е. Шокуров и Л.Л. Шокуров, А. Усталков), а также солдаты, денщики, рудоискатели. Противоборствующие стороны давали противоречивые показания, и розыск затянулся на годы.

Первое расследование в Кунгуре проводил тюменский ландрат Борис Эверлаков в 1715 г. Данных о работе «сыщика» Б. Эверлакова практически нет, имеются только упоминания в более поздних материалах дознания о «первом сыске лантрата Эварлакова», хранившихся в Тобольске. При нем «по приказной обычности» дело было не закончено, и многие свидетели не допрошены.

В связи с началом дознания губернатор М.П. Гагарин отправил А. Усталкова комендантом в Кай-городок, а вместо него с августа 1716 г. Кунгуром стал управлять Ларион Синявин. Новый комендант, как и до разделения полномочий в 1715 г., занялся медеплавильным производством. Он же после Б. Эверлакова возглавил следствие «об остановке рудного дела». В процессе дознания Л. Синявин допрашивал Л.Л. и Л.Е. Шокуровых, подьячих Е. Леонова, И. Костромина, С. Кропотина, А. Шустикова. Из розыска Л. Синявина явно следовало, что А. Усталков остановил выплавку меди, запретив мастерам выезжать из Кунгура под страхом смертной казни.

В 1716 г. следственные материалы лантрата Б. Эварлакова и коменданта Л. Синявина выслали из Кунгура в Тобольск. Н. Огнев, Ф. Инютин и Л.Л. Шокуров вместе с учетными книгами для дальнейших следственных действий были перевезены в Тобольск. В Большой канцелярии им было устроено очередное следствие с допросами о количестве выплавленной меди, жаловании, роли А. Усталкова в остановке производства. С точки зрения Н. Огнева, сибирский губернатор М.П. Гагарин выписки дел слушал, но никакого решения не принял, «норовя ему Усталкову». После этого допроса Н. Огнева и Ф. Инютина длительное время держали под караулом и не выпускали из Тобольска. В июле 1717 г. мастеров отправили на Каменский завод.

Немного сведений обнаружено о розыске стольника князя С.Ю. Солнцева-Засекина, который был направлен из розыскной канцелярии гвардии капитан-поручика И.Н. Плещеева [8]. В 1716 г. царь указал И.Н. Плещееву самому ехать в Кунгур вместе с плавильными мастерами, произвести расследование, сделать пробы руд и прислать их в Канцелярию рудных дел. 27 августа 1716 г. И.Н. Плещеев послал вместо себя стольника кн. С.Ю. Солнцева-Засекина. Князь присутствовал при плавке оставшихся 27 пудов плохой руды, из которой получилось только 12 фунтов меди. В

розыске С.Ю. Солнцева-Засекина участвовал и комендант Л. Синявин. Комендант сообщал, что кунгурские рудознатцы больше не обнаружили руду в уезде, но хорошая руда найдена в районе Соликамска. В декабре 1716 г. С.Ю. Солнцев-Засекин отправил результаты дознания, сведения о руде и слитки меди. В это же время в Москве в Канцелярии И.Н. Плещеева допросили и Л.Е. Шокурова.

Как уже упоминалось выше, по приговору Берг-коллегии от 4 марта 1720 г. В.Н. Татищеву с экспедицией предписывалось ехать в Сибирскую губернию «для осмотра рудных мест и строения заводов», и дальнейшего следствия, взяв с собой Л.Л. Шокурова. 24 мая 1720 г. вышло постановление Берг-коллегии о возобновлении работы Кунгурского медеплавильного завода в соответствии с наказом, данным В.Н. Татищеву и И.Ф. Блиеру. Но это постановление не могло быть реализовано, без решения проблемы источников руды. Кунгурские подьячие С. Кадешников и Г. Попов утверждали, что медная руда в уезде закончилась.

Руководство Берг-коллегии было убеждено, что подьячие скрывали рудники, чтобы уничтожить завод, поскольку и раньше местные обыватели препятствовали заведению заводов, о чем требовалось исследовать Татищеву и Блиеру. 12 декабря 1720 г. В.Н. Татищев допросил кунгурских подьячих в связи с утайкой сведений о медных рудниках. О принятых решениях он должен был сообщить губернатору в Тобольск, т.к. до этого времени Кунгурские медные заводы подчинялись и финансировались из Сибирской губернии. Одновременно обо всех губернских постановлениях и действиях по заводу следовало уведомлять Берг-коллегию [9]. Такое положение дел фиксировало переходную ситуацию, когда Берг-коллегия начинала контролировать, но официально еще не управляла Кунгурскими заводами.

Общий ход дальнейших расследований вновь сводился к выяснению личных обид, побоев, траты денег, препятствий при добыче и выплавке меди. Однако некоторую интригу и почву для дальнейших размышлений добавили следующие эпизоды. Н. Огнев, арестованный и оправленный для следствия в Тобольск, в Кунгур уже не вернулся, а продолжал писать челобитные, участвовать в следствии, находясь при этом то в Тобольске, то на Каменском заводе. 28 июня 1720 г. Н. Огнева послали из Тобольска из Канцелярии капитана-поручика Шамордина в Берг-коллегию, где в это время уже находился А. Усталков. Следует иметь в виду, что А. Шамордин был послан 3 июля 1718 г. по личному указу Петра I в состав канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова, занимавшейся розыском злоупотреблений сибирского губернатора М.П. Гагарина. Это следствие продолжалось с 1714 по 1721 гг. [10]

Вероятно, что злоупотребления в медеплавильной отрасли могли косвенно или прямо иметь отношение и к этому следствию, поскольку коменданты г. Кунгура Л.Е. Шокуров и А. Усталков были ставленниками сибирского губернатора и прибыли вместе с ним из Москвы в 1711 г. Сын Ф.И. Молодого – Иван Молодой писал в Берг-коллегию, что из 800 пудов, выплавленных на Кунгурском заводе, 700 пудов отправили в Москву, а 100 пудов забрал князь М.П. Гагарин.

К концу 1720 г. расследование продолжилось в Берг-коллегии. 20 декабря 1720 г. в коллегии заслушали донесения от В.Н. Татищева и приговорили вновь допросить дьяка А. Усталкова и плавильщика Н. Огнева. Усталкова допросили уже на следующий день. В допросе он в очередной раз поведал, что прежние расследования не были закончены, а губернатор уничтожил материалы сыщика Эверлакова из-за дружбы к Л.Е. Шокурову.

Усталков подозревал, что в расследовании коменданта Л. Синявина были использованы вымышленные документы. В итоге 9 февраля 1721 г. в Берг-коллегии приняли решение: «против прошения Н. Огнева на дьяка А. Усталкова в помешательстве рудному делу и увечью» велеть расследовать (в очередной 6 или 7 раз – Е.К.) сибирскому губернатору, поскольку подлинные дела находились в Тобольске. Возможно, это не полный список расследований, поскольку не обнаружено документов об окончании следствия.

Остановка Кунгурского завода произошла в условиях длительной войны и реформ при отсутствии в стране меди, особенно востребованной в монетном производстве. Длительность следствия – лишнее подтверждение острой нехватки стратегически важного металла. В этой обстановке в обостренной форме проявились объективные процессы обособления сложного горно-металлургического производства в существовавшей системе административного управления. В силу своей специфики расследование проводилось в трех структурах власти (губернии, розыскных канцеляриях и Берг-коллегии).

Возможно, именно необходимость расследования этого специфического дела потребовала включения капитана Василия Татищева в состав экспедиции. В списке специалистов, посылаемых в Сибирскую губернию, его фамилия вписана позже другими чернилами. Остаются малоизученными одни из ключевых задач его командировки: финансовые и розыскные. Вероятно, что следствие об остановке выплавки меди на Кунгурском заводе некоторое время было связано с расследованием злоупотреблений сибирского губернатора М.П. Гагарина.

Примечания:

2. Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985. С. 50–51.
3. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а.
4. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 89. Л. 96.
5. В основе статьи использовано дело РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 609. Л. 320–339 об.
6. ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 4а. Л. 116.
7. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 609. Л. 322–324.
8. Майорские розыскные канцелярии, возглавляемые гвардейскими офицерами, возникли в связи с кампанией по пресечению злоупотреблений должностных лиц, начавшейся в середине 1710-х гг. Первоначально они состояли в исключительном ведении Петра I, а с конца 1710-х годов подчинялись Сенату. Майорские канцелярии стали главными органами разбирательства по государственным и должностным правонарушениям, в первую очередь, расхищению казны. Достаточно сказать, что по материалам сыска канцелярии И.И. Дмитриева-Мамонова в Сибири был казнен бывший губернатор кн. М.П. Гагарин. От пресобладания среди них лейб-гвардии майоров произошло собирательное название «Майорские канцелярии», хотя ранее канцелярии именовались просто по фамилиям своих начальников: М.И. Волконского, А.Н. Головкина, И.И. Дмитриева-Мамонова, В.В. Долгорукого, Г.И. Кошелева, М.А. Матюшкина, И.Н. Плещеева, А.И. Ушакова, И.С. Чебышева, Г.Д. Юсупова, С. Юрьева.
9. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 89. Л. 187, 439 об.
10. Акишин М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М. – Новосибирск. 2003. С. 128.

Е.В.Лазарева
Екатеринбург

ИСТОРИКИ О РОЛИ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В УРАЛЬСКОЙ ПЛАТИНОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Эпоху российской индустриализации последней трети XIX - начала XX вв. отличала противоречивость и неравномерность развития, как по отраслям, так и по регионам. Промышленность Урала перестраивалась в